

ДВА НАШИХ ведущих театра — Центральный театр Советской Армии в Москве и Большой драматический театр имени М. Горького в Ленинграде — встречают съезд партии премьерой «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

Не случаен выбор именно этой пьесы. Вот уже почти полвека она числится в боевом арсенале советского искусства, сохраняя свой первоначальный идейный и эмоциональный заряд.

«Оптимистическая трагедия» вобрала весь опыт жизни и борьбы Вишневского — гимназиста, ушедшего добровольцем на фронт первой мировой войны, молодого большевика, участника Октябрьского восстания 1917 года в Петрограде, красного моряка Волжской флотилии, пулеметчика Первой Конной, командира и политработника на Балтике... Вообще, по книгам Вишневского можно изучать и его собственную жизнь. Говорил он от первого или от третьего лица, все равно это был голос автора, его исповедь, его дневник. И одновременно — голос, исповедь дневник поколения.

Этот дневник Вишневский вел, по существу, всю жизнь. «Ходили слухи, что их было — тысяча, две, три. Но определенно не знали, сколько же их было. Я знаю, что их было тысяча восемьсот восемьдесят пять». Узнаете? Это начало «Гибели Кронштадтского полка», одной из первых вершин созданного Вишневским эпоса.

Сам Вишневский не раз говорил и писал о том, что на его творчество мощно повлияли народные революционные песни, стихи пролетарских поэтов первых лет Октября, русские героические былины, легендарное «Слово о полку Игореве». Мы много раз беседовали с Всеволодом Витальевичем на эту тему. Влияние «Слова» он отчетливо ощущал и в творчестве Маяковского, например, в прологе и в заключительной здравнице поэмы «Хорошо!». И я убеждался, что эпос безмянного древнерусского автора и эпос поэта революции были в равной мере дороги создателю «Первой Конной» и «Оптимистической трагедии».

Внимательно перечитайте «Дневники военных лет», фронтовую публицистику Вишневского. Вы легко обнаружите их песенные, былинные истоки.

Вот отрывок из очерка «Героическая Балтика»:

«И поднялась в те годы вся наша Балтика — грозная, отчаянная, молодая, — и без передышки пять лет, пять долгих и страшных лет, — бились мы с врагами. Считались за все — за старое и новое, за прошлое и будущее. За всех избитых, повешенных, сосланных, оскорбленных, угасших на больничных койках в морских госпиталях. За свои семьи, за свой народ».

В повторах, словно волны накатываются на прибрежные камни, оживают сказовые ритмы. И в таком же ключе написана была Вишневским «Первая Конная», где, по ремарке автора, «действующие лица меняются — течет масса разноликая». Не потому ли, как вспоминают слушатели первых авторских чтений пьесы, в ней всякий раз появлялось что-то новое, словно бы Вишневский не читал, а сказывал пьесу для каждой новой аудитории?

Вспоминая о том, как создавалась пьеса, Вишневский говорил: «Надо было взять право на то, чтобы еще раз показать на сцене Красную Армию, на то, чтобы политическое, агитационное слово снова зазвучало со сценических подмостков... Надо было убедить, что тема не исчерпана и в сотой доле, что эпос Красной Армии и Красного Флота будет питать творчество и воображение целых поколений».

Всеволод Вишневский — писатель военной темы, творчество которого сыграло огромную воспитательную роль в предвоенные годы и было вооружением в суровые дни Великой Отечественной войны. Разве не вспоминали тогда полный предостережения и воли клич Артема, героя фильма «Мы из Кронштадта»: «А ну, кто еще хочет в Петроград?!» И разве не писали на обугленных стенах рейхстага гордое: «Мы из Кронштадта!».

Многие годы Вишневский был связан с Ленинградом. Здесь, в осажденном городе, он руководил оперативной группой писателей при Политуправлении Балтийского флота. И Ленинград помнит Вишневского.

Его помнят ветераны кировцы, с кем писатель не раз встречался в цехах в блокадное время, помнят матросы ушедших в вечность кораблей — «Кирова», «Октябрьской революции», «Марата». Его голос навек остался в фондах Дома радио, где Вишневский произносил свои вдохновенные, ободряющие душу речи, когда рядом падали бомбы и здания сотрясались от взрывов.

«Когда слушаешь вас, то в любой момент, независимо от обстоятельств, готовы идти в бой... По возможности чаще выступайте по радио...»

Вишневский бережно хранил письма своих слушателей. И вот еще одно письмо:

«Я нахожусь в госпитале, и мне приходится слышать ваши доклады за Родину, и как только услышишь из радиостанции, что сейчас будет выступать Вишневский, сразу, какая бы боль ни была, но становится легко и хорошо. Все сразу кричат: тише, това-

«Стучат топоры, визжат пилы (к счастью, до этого не дошло. — Вс. А.). Балтиец, если тебе дороги эти стены — за перо! Напиши отношение! Звони наверх. Райтоп должен быть остановлен под нашими окнами любой ценой!»

Листок Н-ского соединения трех авторов и в следующих выпусках описывал в юмористических тонах нашу работу. Я не знаю, в какой мере сегодняшний читатель представляет себе условия, в которых сочинялась пьеса. Но по тем временам для нашего необычного задания сослужил верную службу и этот несерьезный листок.

«Наш деревянный дом стоит нерушимо, как гранит», — горделиво сообщала передовая следующего листка. И вообще с завершающим этапом работы прибавлялись мажорные нотки и в листке. Кстати, был объявлен конкурс под названием: «Автор! Как называется пьеса, которую ты пишешь?» Названи-

ДАЛЬНОБОЙНОЕ СЛОВО

К 80-летию
со дня рождения
Вс. Вишневского

риши, передача комиссара Балтики Вишневского!..

Признаюсь чистосердечно, когда слышу вашу речь, то мне охота как можно скорее выйти из госпиталя и помогать разгромить Гитлера, который действительно дождетс скоро, по вашей речи, той минуты, что ему будет конец. П. П. Прокофьев».

Когда я перечитывал это письмо солдата Великой Отечественной войны, мне казалось, что я слышу голос одного из героев пьесы «Первая Конная», или романа-фильма «Мы, русский народ», или какой-либо другой из народных драм Вишневского.

Когда мы — Всеволод Вишневский, Александр Крон и я — писали в осажденном Ленинграде в 1942 году героическую комедию «Раскинулось море широко», я был уверен, что особенно трудно приходится мне. Недаром в дневнике Вишневского и в нашем коллективном «Боевом листке» меня не раз упрекали за задержку «запчастей» — арий, дуэтов, куплетов.

Писали мы сообща, дружно. Героя-моряка одессита, сражающегося у стен Ленинграда за Ленинград и за свой родной город, ввел в пьесу я. Старый боцман, Елена — комсомолка с Выборгской стороны, храбрая разведчица, пришли в пьесу с Вишневским. Сердце — командант береговой базы Чижов, молодые матросы рождены Кроном. А потом они так перемешались в общем творческом горниле, что выделить что-либо написанное кем-то одним стало уже совсем невозможно.

С первого до последнего дня работы над пьесой коллектив авторов выпускал «Боевой листок». Сохранились все его 11 номеров. В первом помещены итоги работы на 4 сентября. Вот они, эти итоги: 1) Составлена схема всех трех актов. 2) Схемой выведен из строя и оглоушен старый скептик Янет (главный режиссер Театра Музкомедии. — Вс. А.) — 100 процентов. 3) 1-й акт выполнен на 16.00 на 35 процентов. Заносится на доску почета Вс. Вишневский за монолог Эдди.

Тут же был нарисован похожий на себя Вишневский.

Во втором выпуске, правда, Вишневскому попало: «Некоторые бойцы нашего соединения проявляют признаки бытового разложения. Так, т. Вишневский, не имея на то «добро» от тов. дежурного, тайком смылся делать доклад в Выборгский район. Распушенности ладо положить предел. Ни шага в сторону. Янет не дремлет».

Выпуск третьего листка совпал с действительно имевшим место эпизодом, когда по разнарядке райтопа бригады рабочих явилась, чтобы сломать на дрова тот самый домик, в котором мы работали. Только энергичное вмешательство Вишневского помогло тогда отстоять памятник деревянной архитектуры XIX века, ставший сейчас филиалом Музея истории города.

мы насочиняли порядочно, главным образом для того, чтобы утвердить главное, идущее от старой флотской песни, как ни противились этому некоторые скептики, убеждавшие себя, но не нас, что песня — грустная и может поселить в сердцах будущих зрителей уныние.

И наконец в последнем «Боевом листке» под изображением здания Александринки, где размещалась в ту пору Музкомедия, значилось: «В 12 ч. 40 мин. в присутствии представителей военного и морского министерств, лордов, пэров и мэров т. Вишневский выступил с чтением пьесы «Раскинулось море широко». Чтение сопровождалось громом, молниями, извержением раскаленной лавы, смерчами, тайфунами и катаклизмами. Продолжалось свыше 3-х часов при неослабевающем внимании аудитории. Во многих местах чтения прерывалось смехом и аплодисментами».

В дневниках Вишневского нашей работе тоже уделено много места. Но вот что интересно — о самой премьере написано буквально несколько строчек: «В 5 часов поехал на премьеру. Спектакль идет ровно, в темпе, чисто... Подумал — какая нужна драматургия, чтобы взволновать в будущем людей, переживших эту войну?»

Работа была завершена. Вишневскому виделись иные, еще не взятые рубежи. И так всю жизнь...

Когда-то, встречая 1943 год у своих блокадных друзей, Всеволод Вишневский записал в дневнике: «Слушай речь М. И. Калинина. В 12 часов — тост за Победу!.. Были шуточные записки-пожелания; мне досталось: «Не думай о будущем, оно само подумает о тебе». Спасибо...»

Будущее подумало о Вишневском, но и Всеволод Витальевич постоянно думал о нем. Когда Всеволод приехал на встречу Нового года к Вере Михайловне Инбер, все были в сборе, не хватало только его. А он приехал прямо из Радиокомитета, где выступал с новогоднему речью, обращенной к Ленинграду. О чем мечтал на девятнадцатом месяце войны этот человек?

«Все залечим, все отстроим. На диво миру развернем такие новые пятилетки, построим такого размаха дороги, каналы, порты, вокзалы, заводы, фермы, города, дворцы и парки, — что станет страна наша местом паломничества...»

И взгляд твой и твой гостей залюбуется Россией, нежным дымчатом воздухом ее, небесами милыми, лесами и нежными перелесками и бескрайними просторами, где хозяева, труженики — мы в только мы».

Об этом он мечтал, для этого он работал. И сегодня его слова обжигают накалом мыслей и чувств.

Всеволод АЗАРОВ
ЛЕНИНГРАД